

УДК 398
ББК 82.3(2=411.2)

Петр I и его время в русском песенном и прозаическом фольклоре

Сейран Акопович Джанумов
Ирина Николаевна Райкова

(Московский городской педагогический университет:
Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4)

***Аннотация.** В статье, посвященной 300-летию Российской империи и 350-летию со дня рождения Петра Великого, речь идет об отражении в фольклоре петровского времени некоторых важных военных событий: Северной войны со Швецией 1700–1721 гг. и ее кульминации — Полтавской битвы. Отмечается, что в исторических песнях о Северной войне есть не только изображение военных событий, но и окрашенный лиризмом, психологически верный показ душевного мира персонажей, их ожиданий и надежд. Представляет интерес и песня о русских солдатах, готовящихся к сражению со шведами, с иносказательным мотивом приготовленного врагам «угощения». Внимания заслуживает и устная историческая проза Петровской эпохи: предания, легенды, анекдоты и сказки. Воображение народа пробудила неординарная личность первого императора России и необычный образ жизни этого царя, «работника на троне». Так, смелое решение Петра I — перелить часть монастырских колоколов в пушки — отразилось в нескольких преданиях и анекдотах: эта идея приписывается и пушечному мастеру, и мудрому патриарху, и самому царю.*

Резко выражены социально-политические конфликты и мотивы в исторических песнях, анекдотах и бытовых сказках об А.Д. Менишникове. В песнях народное недовольство неблагоприятными деяниями петровского времени выражено прямо, в едкой и насмешливой форме. В фольклорной прозе противоречивость натуры царского фаворита и сподвижника передается более тонко, как, например, в сказке о царе и кузнеце, в одном из вариантов которой кузнецом оказывается Менишков. Безбоязненно обличается в исторических песнях и преданиях взяточник и казнокрад, первый сибирский губернатор М. П. Гагарин, казненный за свои провинности по приказу Петра I в 1721 г.

Сделан вывод, что в исторических песнях и устной прозе наблюдаются жанровые отличия в изображении Петра I и его времени, и только во всей совокупности текстов разных жанров образы людей и событий представлены разносторонне, с присутствием им противоречиями, передающими не правду факта, а дух эпохи.

Ключевые слова: Петр Великий, Петровская эпоха, Северная война, А. Д. Менишков, М. П. Гагарин, шут Балакирев, историческая песня, предание, анекдотическая сказка, анекдот.

Дата поступления статьи: 17 июля 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2021 г.

Для цитирования: Джанумов С. А., Райкова И. Н. Петр I и его время в русском песенном и прозаическом фольклоре // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 3. С. 11–25.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2021.22.3.001>

Русские исторические песни довольно быстро и своевременно откликались на важнейшие события отечественной истории, запечатлевали их в яркой и образной художественной форме. Воспроизведение действительности в исторических песнях отличается некоторыми особенностями. Наряду с достоверным отражением событий, отдельные явления общественной и политической жизни изображаются в них не так, как они происходили на самом деле, а так, как они представлялись воображению народа. Поэтому в исторических песнях всегда необходимо иметь в виду соотношение художественного вымысла, народной фантазии и реальных, действительных фактов, послуживших основой для создания песен.

Уяснение фактической основы песен позволяет выявить принципы отбора тех или иных событий, особенности изображения и оценки этих событий в песнях, установить приблизительно время их создания. Хотя, конечно, многие песни, например петровского времени, были записаны много позже, так как в XVIII в. работа по собиранию и изданию фольклора еще только начиналась.

История страны в особенном, преломленном виде оживает и в устной прозе — преданиях, легендах, анекдотах и даже сказках. В этой истории есть свои герои и злодеи, свои причины и следствия, даже, случается, и хронология своя. Фольклорный рассказчик додумывает, достраивает, изменяет своей фантазией историю, дополняя ее желаемым, при этом вымысел может им и не осознаваться. Устная историческая проза интересна не правдой факта, а отражением исторических воззрений, оценок, вкусов, творческих принципов народа. Воображение народа пробудили неординарная, яркая личность первого императора России Петра Великого и необычный для его времени образ жизни этого царя, «работника на троне русском», великого и простого, императора «с топором в руках и трубкой в зубах». Добрую память и живой интерес, не угасающий в веках, вызвали дела этого преобразователя России, поднявшего ее, по выражению А. С. Пушкина, «на дыбы», — дела, значение которых вышло далеко за пределы его эпохи и границы национальной истории.

Крупнейшим событием русской истории первой четверти XVIII в. является

Северная война 1700–1721 гг. Она должна была решить вековой спор между Россией и Швецией за берега Балтийского моря, решить вопрос, останется ли Россия отсталой страной, оторванной от естественных выходов к морю, или она выйдет на широкую международную арену и займет достойное место среди европейских стран.

Северная война, потребовавшая от русского народа огромного напряжения сил, глубоко потрясла и взволновала народные массы, вызвала непосредственный отклик на события тех лет. Песенному фольклору периода Северной войны присуще высокое чувство патриотизма, отчетливо выраженное понимание первоочередной роли простых солдат в военных победах русской армии, конкретность и историческая достоверность в описаниях и характеристиках (подробнее см.: [Джанумов 1986, 47–63]).

Исторические песни о Северной войне неоднородны. В них мы встречаем не только изображение военных событий, но и окрашенный лиризмом, психологически верный показ внутреннего душевного мира рекрутов и солдат, их мыслей и настроений, ожиданий и надежд, горя и радости. В эти песни вводятся также мотивы, прямо не соотносящиеся с конкретными историческими фактами, но на самом деле имеющие к ним отношение.

Так, в песне о вещем сне девушки, предсказывающем победу русской армии и поражение шведов в войне, обычные песенные символы получают конкретную историческую приуроченность, осмысляются не в личном плане, а в общегосударственном. Девушка рассказывает матери сон, который привиделся ей накануне, и просит «рассудить» его:

Вечор-то мне, матушка, малым-мало спалося,
 Что малым-мало спалося, много виделося.
 Как привиделась мне, матушка, крута гора
 во сне,
 Что на крутой горе бел-горюч камень лежит,
 А на камне выростал част-ракетовый куст;
 Как на кустике сидит птица, млад-сизой
 орел,
 Во когтях своих он держит черна ворона
 [Ист. песни 1971, 48].

Мать разъясняет дочери, что «крута гора — то каменна Москва, / Бел-горюч камень — то наш Кремль-город, /

А ракитов куст — то Кремлевский дворец, / Сизой орел — то наш батюшка, православный царь, / А черной ворон — то шведский король». Таким образом, сон предвещает благоприятный исход войны для русских:

Победит наш государь землю шведскую
И самого короля во полон возьмет
[Там же].

Обычно в песенном фольклоре сон есть выражение дурного предчувствия и зловещего предзнаменования. Именно такое значение он имеет в одном из вариантов былины о Волхе, где Волх подслушивает разговор иноземного царя с женой, в исторической песне о сне Степана Разина, в песне о взятии Казани (сон царицы Елены), в свадебных причитаниях и лирических песнях. Но здесь все народнопоэтические символы служат другой цели — выразить уверенность русских в победе над шведами, представить эту победу как заранее предreshенную, не вызывающую никаких сомнений.

В композиционном отношении песня состоит из двух частей, причем каждой строке первой части соответствует строка второй части, где раскрывается характер и смысл символов. Мы присоединяемся к мнению В.К. Соколовой, что «создавались такого рода песни, конечно, уже после войны, когда стремились обобщить прошедшее, и делали это при помощи общих мотивов и символов» [Соколова 1960, 205].

Трудности первого периода войны, после поражения русских под Нарвой (30 ноября 1700 г.), и способы их преодоления, продемонстрировавшие стратегическое мастерство Петра I, в яркой, образной форме, с бытовой детализацией отражены в нескольких вариантах предания о рождении идеи ввести «колокольный сбор» для монастырей — перелить четвертую часть колоколов в пушки. Слухи об этом смелом решении царя будоражили воображение народа и порождали различные фольклорные версии того, кто был «автором» этой идеи, — варианты предания разного времени и места

записи представляют целую палитру этих версий.

Так, в качестве исторического анекдота в конце XVIII в. один из вариантов предания приводит первый историк петровского времени И.И. Голиков, собиравший устные свидетельства современников Петра и их ближайших потомков [Голиков 1798, 99–100]. Согласно этой версии, Петр I «в Новгороде» принимает совет перелить половину церковных колоколов в пушки от пьяного пушечного мастера. Для храбрости тот предварительно дважды требует от монарха поднести ему чарку вина, чтобы опохмелиться: «денег нет ни полушки», и царь идет у него на поводу ради полезного совета. Мастер обстоятельно аргументирует свою идею: «Нужда государственная важнее, не жели многие колокола <...>. А после, как, Бог даст, одолеешь своего противника, то из его же пушек наделать можно колоколов сколько хочешь. К тому же, — заключил он, — есть из них много разбитых и без употребления» [Петр I 1993, 26]. Предание интересно стилистическим синтезом: за книжной, вычурной обработкой историка пробивается подлинно фольклорная разговорная стихия. И.И. Голиков отмечает, что узнал сию историю от престарелого пушкаря — «знакомца» героя анекдота.

В Карелии в конце XIX в. выдающийся собиратель Е.В. Барсов записал рассказ о том, что Петр получил такой же мудрый совет от спокойного и терпеливого патриарха¹: «Не печалься, — говорит царю, — это еще не беда, что пушки у нас отняты: с каждой колокольной, — говорит, — можно взять по колоколу и отлить орудия. Затем отслужим молебен, и я дам тебе мир и благословение, и Господь пособит тебе покорить шведов» [Там же, 25]. Интересно, что священнослужитель понимает необходимость в условиях войны принять такое решение (антицерковное на первый взгляд). Причем к патриарху царь в этом варианте обратился после того, как, поспешив, не дослушал обедни «и уехал в поход под шведа»; его поспешность обернулась бедой — тот поход (сражение под Нарвой) «был ему несчастливый»

¹ Фигура патриарха условная, так как в это время Патриарх Московский и всея Руси Адриан (1638–1700) скончался и Патриаршим местоблюстителем до 1721 г. был митрополит Рязанский Стефан (Яворский).

[Барсов 1872, 307–308; переизд. — Криничная 1978, № 180; Петр Великий 2000, 184–185].

Третий вариант, тоже северный, известный в записи конца XIX в. и пересказе А.Н. Сергеева, предлагает версию, в которой идея приписывается самому Петру [Север 1894; переизд. — Криничная 1978, № 223]. Он обладает большей мудростью и дальновидностью, чем соловецкие монахи, упорствовавшие в неприятии идеи перелить часть колоколов в пушки: без колоколов умалится-де слава святых угодников. Царь предлагает им своего рода эксперимент, оформленный как трудная задача, — распространенный мотив устной прозы о «справедливом» царе, который задает своим подданным задачу (отгадать загадку, расшифровать мудрые речи, выйти из затруднительного положения) либо соревнуется с ними в ее решении. В конце обычно следует посрамление глупых и справедливое воздаяние (по указателю мотивов Н.А. Криничной — мотивы М-5, М-6, М-8, М-15, М-19 [Криничная 1991]; подробнее см.: [Райкова 1995, 81–96]). Так вот, эксперимент состоял в том, услышат ли монахи, уехав на дальний остров архипелага, перезвон колоколов и гром пушек. Им было велено «слушать во все уши, что будет». Святые отцы признались, что слышали только, «будто из пушек палили». Петр заключил, что пушки славу до них донесли: «Так уж лучше давайте мне ваши колокола; я их на пушки перелю, а пушки эти славу святых угодников соловецких распространят до самого Стекольного города²» [Петр I 1993, 27].

Как видим, кому бы народное мнение ни приписывало идею введения «колокольного сбора» для нужд войны, она признается целесообразной, необходимой мерой. Современные историки объясняют, что в ней, как ни странно, не было ничего сверхординарного или демонического: так поступали правители и до Петра, и после него, вплоть до Второй мировой войны (например, в Великобритании). К тому же в реальности собирались в основном излишки колокольной бронзы (или меди, которой в составе сплава для пушки нужно больше, чем для колокола) и колокольный лом, а не готовые изделия³.

На наш взгляд, третий вариант предания наиболее традиционен для фольклорного образа Петра I, который не только сам принимает решения, но и многое пробует на себе, учится делать сам, своим умом и своими руками, постоянно совершенствуется, стремясь показывать подданным пример во всем. Небывалую для государя активность Петра, отраженную в устной традиции и демонстрирующую новый тип русского царя, подчеркнул Б.Н. Путилов: «Предания запечатлевают Петра в самых разных делах, в том числе и таких, какими обыкновенный царь ни в истории, ни в фольклоре прежде не занимался: корабельный мастер, лоцман, спасатель тонущих, разведчик во вражеской крепости, крестный у матросского ребенка...» [Путилов 2000, 10]. Кстати, в одном из преданий, сообщенном тем же И.И. Голиковым со слов И.И. Бахметева, внука соратника Петра, царь в течение месяца испытывает на себе солдатский паек, чтобы удостовериться, «может ли солдат быть пайком тем сыт» [Петр Великий 2000, 24]. Интересно, что его примеру следовали преемники по трону — мудрые и думающие о благе подданных (особенно солдат) государи, или народная молва приписывала им подобные поступки. Так, известно, что Николай II опробовал на себе новое пехотное снаряжение, и затем его в этой роте при переключке каждый раз вызывали как рядового.

Вернемся к историческим песням. Еще одной, по содержанию связанной с Северной войной, является песня о русских солдатах, готовящихся к сражению со шведами. Она известна в пяти вариантах. Все они очень схожи как в композиционном отношении, так и в разработке отдельных художественных деталей и образов. Для их композиции характерно соединение повествования с последующим диалогом, причем повествовательная часть строится по принципу ступенчатого сужения образов.

Сначала в песне изображаются «шатрики полотняные», стоящие «во чистом поле», «при долинушке», «при зеленой, вот, при дубровушке». Затем пространственная картина сужается до одного «шатёрка», который «при бутре стоит», т.е.

² Стекольным городом в фольклоре петровского времени называют Стокгольм.

³ Подробнее см., например: [Махов].

царского шатра [Ист. песни 1971, 49]. В одном из вариантов песни он описан очень подробно:

Уж как полы у шатра алого бархату,
А подбой у шатра кручатой камки⁴,
Уж как маковка у шатра позлаченная
[Там же, 51].

Но и на шатре не заканчивается цепь образов. В центре повествования оказывается «белый царь», «батюшка Петр Алексеевич», который гуляет по этому шатру и смотрит «во подзорную трубоньку». Все остальные образы в этой картине были необходимы только для того, чтобы подвести к главному образу — царя.

Однако образ царя не является единственным в песне. Не менее важное место в ней занимает коллективный образ русских солдат, с которыми Петр I советуется, как встретить непрошенных, незваных «гостей» — шведов.

В песне мы встречаемся с очень интересным иносказательным мотивом — мотивом приготовленного врагам «угощения». Это иносказание использовано и в «Слове о полку Игореве», где оно вырастает в грандиозный символический образ битвы-пира: «Ту кровавого вина не доста, ту пир докончаша храбрїи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую» [Слово о полку Игореве 1965, 48].

В рассматриваемой песне иносказательный мотив угощения разработан особенно подробно и интересно: перечислены полки русской армии, участвовавшие в Северной войне и других войнах, причем каждый полк готовит свое, особенное «угощение»:

Уж мы столики расставим —
Преображенский полк,
Скатерти расстелем — полк Семеновский,
Мы вилки да тарелки — полк Измайловский,
Мы поильце медяное — полк драгунушек,
Мы кушанья сахарны — полк гусарушек,
Потчевать заставим — полк пехотушек
[Ист. песни 1971, 50].

В другом варианте песни содержатся намеки на тульские оружейные заводы, которые были построены в начале XVIII в.:

У нас, батюшка православный царь, все
готово, все приготовлено,
Как у нас, братцы-ребятушки, в Москве
пироги печены,
В Москве пироги печены, в сухари они
крошены,
В сухари они крошены, в Туле сушены,
В Туле сушены, по солдатам розданы
[Там же, 49].

В целом же в песне это иносказание несет очень важную идейно-смысловую нагрузку: оно призвано показать несокрушимую мощь и силу русской армии, ее готовность к борьбе со шведами. Насмешкой, иронией, презрением к врагу пронизан ответ русских солдат на призыв Петра I: они приготовили шведам «угощение», от которого тем не поздоровится. В этом диалоге, точнее, в словах простых солдат и заключается основное содержание песни. Их ответная реплика придает всей песне определенную законченность, художественную яркость и выразительность.

Мотив «угощения», впервые разработанный в исторической песне начала XVIII в., встречается и в песнях об Отечественной войне 1812 г. и даже в песнях о Великой Отечественной войне, что свидетельствует о его большой популярности в народе, о том, что он явился наиболее удачным воплощением патриотических стремлений русского народа во что бы то ни стало отстоять свою родину от посягательств врага.

Кульминационным моментом Северной войны явилось Полтавское сражение 8 июля 1709 г. (по н. ст.), в котором шведам было нанесено полное и окончательное поражение. Историческая песня о Полтавской битве сохранилась в контаминации с песней о «большом боярине», «генерале» Б. П. Шереметеве (на самом деле Борис Петрович Шереметев (1652–1719) был одним из первых русских генерал-фельдмаршалов, с 1701 г.) и пленном шведском майоре. Начало песни связывает события, происходящие в ней, с Полтавой, середина — с битвой при Красной Мызе, которая произошла на подступах к Шлиссельбургу (Орешку) в 1702 г. — первой победой русских войск в Северной войне, и конец — с Полтавским сражением.

⁴ Камка — китайская шелковая узорчатая ткань.

В.К. Соколова считала, что «разные песни объединены в этом сводном тексте механически; песня о Красной Мызе и майоре, вставленная в песню о Полтаве, разрывает действие и нарушает хронологическую и географическую последовательность: сначала поется о том, что король шведский стоял под Полтавой, а затем о выступлении Шереметева из Пскова под Красную Мызу, откуда он гонится за шведами до Полтавы» [Соколова 1960, 211].

Мы думаем, что хотя такое соединение в песне двух событий и вносит временной и пространственный, если можно так выразиться, «хронотопный», разнобой в повествование, но оно оправдано с точки зрения общего идейного замысла этих двух песен — о допросе Шереметевым пленного шведского майора и о Полтавской битве. И та и другая песни посвящены одной теме — Северной войне со шведами. Обе песни отражают перелом в народном сознании, вызванный историческими победами русского войска в этой тяжелой, потребовавшей многих человеческих жертв войне. И если в песне о Красной Мызе превосходство русской армии над шведской лишь декларируется в словах Шереметева о том, что он не боится шведов, то в песне о Полтавской битве оно реализуется в победоносном исходе боя, когда «смешалась шведская сила» [Ист. песни 1971, 62].

Что касается пространственных и временных соотношений в песне, то, видимо, за давностью лет (песня была записана в середине XIX в. в г. Шенкурске Архангельской губ.) они смешались в сознании исполнителя. Такие анахронизмы часто встречаются в историко-песенном фольклоре, где сплошь и рядом мы имеем дело с условным песенным временем. «Условность, с одной стороны, и сведение потока событий во времени к одному непрерывному акту, с другой — это тот принцип решения категории времени, который может быть обнаружен <...> в ряде других исторических песен XVI (и не только XVI) века», — отмечал Б.Н. Путилов, анализируя песню о взятии Казани [Путилов 1960, 175]. Думается, что эти слова применимы и к исторической песне о Полтавской битве. Контаминация двух сюжетов могла быть вызвана не только общим идейным замыслом, но и общими

персонажами — фельдмаршалом Шереметевым и коллективным образом русских солдат. Большую роль в песне играют и образы врагов — шведского короля и шведского майора.

Сюжет песни построен на столкновении русской силы со шведской, в котором победителями оказываются русские. Вот как описывается Полтавская битва:

Подымалась полтавска баталья.
Запалит шведская сила
Из большого снаряда, из пушки;
Запалит московская сила
Из мелкого ружья, из мушкета.
Не крупен чеснок рассыпался,
Смешалась шведская сила
[Ист. песни 1971, 62].

Следует учесть, что в Полтавском сражении количественное превосходство русских войск было крайне незначительно: «В первой линии находилось не более 10 тысяч человек, так что по количеству силы, непосредственно принимавшие участие в бою, были почти равны. Но русские генералы и солдаты сознавали, что они под Полтавой сражаются за судьбу родины, за независимость Русского государства. Поэтому они, как говорил Петр I, “не щадили живота своего, на тысячу смертей устремлялись необязанно”. Итак, на стороне русских было огромное моральное превосходство солдат и офицеров» [Тельпуховский 1946, 129].

Чтобы подчеркнуть храбрость простых русских солдат, исполнители песни ставят их в невыгодное по сравнению со шведами положение: шведы стреляют из пушек, а русские из мушкетов. Тем не менее победа оказывается на стороне русской армии: «смешалась шведская сила». Однако песня не преуменьшает трудности сражения — победа достается русским нелегкой ценой:

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронёна шведская пашня
Солдатскими руками;
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью
[Ист. песни 1971, 62–63].

Сравнение поля битвы с пашней традиционно для фольклора и известно очень давно. Оно употребляется еще в «Слове о полку Игореве», автор которого, несомненно, идет от народной поэзии в этом сопоставлении: «На Немизе снопы стелютъ головами, молотятъ чеши харалужными, на тоце животь кладуть, веютъ душу отъ тела» [Слово о полку Игореве 1965, 56]; «Чръна земля подь копыты костью была посеяна, а кровию поляна; туюго въздыоша по Руской земли!» [Там же 48].

В рассматриваемой песне это метафорическое изображение кровавой битвы как посева или жатвы исторически оправданно: победа в Полтавском сражении действительно стоила русским немалых жертв (в ходе боя было убито около полутора тысяч человек — для того времени довольно большие потери). Но в песне содержится и более глубокий, обобщенный смысл. Она выразила раздумья народа о войне, которая несет не только победу и осуществление важных государственных целей, но и гибель простых людей, русских солдат.

В этом плане песня о Полтаве выходит за рамки исторической песни, так как менее всего может рассматриваться как отклик только на конкретный факт истории. Песне придано большое, по существу, философско-политическое обобщение. Но философия здесь слита и с лирикой, и с историей. Всё это поднимает песню на высоту значительного, подлинно гуманистического произведения.

В русских военно-исторических песнях начала XVIII в. отразились не только военные события, но и проблемы социально-политического порядка. Резко выражены социально-политические конфликты в исторических песнях о крупных сарановниках и вельможах конца XVII — первой четверти XVIII в. — А. Д. Меншикове, М. П. Гагарине.

Народное недовольство деяниями петровских временщиков выражено в песнях прямо, открыто, в едкой и насмешливой форме. Смело и безбоязненно обличаются в них такие представители высшей власти, как А. Д. Меншиков, согласно песням, присваивающий солдатское жалованье, взяточник и казнокрад М. П. Гагарин.

Предварительно следует сказать несколько слов о них как исторических лицах, чтобы сравнить их изображение

в песнях. Князь Александр Данилович Меншиков (1673–1729) — ближайший сподвижник и фаворит Петра I, первый Санкт-Петербургский генерал-губернатор, президент Военной коллегии, лишенный после смерти Петра I и Екатерины I (при Петре II) всех наград, имущества, титулов и сосланный со своей семьей в конце 1727 г. в небольшой городок Берёзов Сибирской губернии, где и умер в ноябре 1729 г.

Даже благоволивший к своему фавориту за преданность, личную храбрость и другие незаурядные качества и способности Петр, в конце концов, потерял терпение. Незадолго до смерти Петра в 1725 г. Меншиков за значительные злоупотребления лишился своих основных должностей: президента Военной коллегии (сменен А. И. Репниным в январе 1724 г.) и генерал-губернатора Санкт-Петербургской губернии (сменен П. М. Апраксиным в мае того же года).

Возможно, до простого народа в той или иной форме дошли слухи обо всем этом, что и нашло отражение в исторической песне. Как известно, после смерти ближайшего помощника и советника Петра I генерал-адмирала Франца Лефорта (1655–1699) Петр сказал о Меншикове: «Осталась у меня одна рука, вороватая, но верная». О жизни и деятельности А. Д. Меншикова более подробно см. в книге Н. И. Павленко «Полудержавный властелин» в серии «ЖЗЛ» [Павленко 2005].

Матвей Петрович Гагарин (1659–1721) — первый сибирский губернатор (1711–1719), казненный по велению Петра I за лихоимство (взяточничество). 16 апреля 1721 г. М. П. Гагарин был приговорен Следственным комитетом (в состав которого вошли, среди прочих государственных деятелей, А. Д. Меншиков, князь Д. К. Кантемир, отец знаменитого писателя и дипломата Антиоха Кантемира) к смертной казни через повешение. М. П. Гагарин изображен как отрицательный персонаж, как хитрый, жадный и изворотливый чиновник в романах Г. П. Данилевского «На Индию при Петре» (1880) и А. В. Иванова «Тобол. Много званых» (2017).

Исходная ситуация песни о Меншикове — изображение плывущих по р. Камышинке казачьих стругов — заимствована

из более ранних исторических песен о князе Репнине и убийстве бурлаками астраханского губернатора. Но дальнейшее развитие сюжета характерно для песен Петровской эпохи с их жалобами на воровство и казнокрадство господ. «Удалые молодцы» — донские, гребенские, запорожские казаки — «хвалят, величают православного царя, / Православно-го царя, императора Петра» и «бранят...клянут» князя Меншикова, причем обвинение во всех вариантах песни носит довольно устойчивый характер:

Заедает вор-собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное,
Да еще же не пущает нас по Волге погулять
[Чулков 1913, 169].

В песне отразилась память о Меншикове как казнокраде и взяточнике. Такое представление о нем вполне соответствует истории. Известны злоупотребления Меншикова по управлению Санкт-Петербургской губернией: «Не довольствуясь огромными доходами со своих имений, Меншиков встал на путь промышленного предпринимательства, наживался на казенных подрядах, брал взятки, присваивал казенные суммы и частные имения» [Сов. ист. энциклопедия 1966, 355]. И хотя многие хищения Меншикова сходили ему с рук благодаря заступничеству Петра I, это не изменило о нем мнения как знатных современников, так и простых людей, которое запечатлелось в народной песне.

Историческая песня не могла показать всей противоречивости характера Меншикова, человека, который являлся одним из ближайших сподвижников Петра в деле преобразования России, укрепления ее военной мощи, человека, в котором преданность Петру I уживалась с корыстью и честолюбием. Эту противоречивость натуры не только А. Д. Меншикова, но и других сторонников Петра I отметил еще В. Г. Белинский, написав: «...успеху реформы содействовали не одни добродетельные и чистые, умные и жаждавшие образования люди. Так как в историческом процессе великие причины мешаются с малыми и эгоизм, расчет и корысть помогают добру не меньше самоотвержения и доблести, то и в рядах поборников реформы много было плутов, глупцов и негодяев» [Белинский 1956, 129].

На наш взгляд, в фольклорной прозе эта противоречивость передается более тонко — с помощью юмора. Если в преданиях и легендах Меншиков встречается редко и является эпизодическим персонажем или даже только упоминается, то в анекдотах и бытовых анекдотических сказках он выходит на первый план. Например, широко распространенная, записанная во многих регионах анекдотическая сказка о царе и кузнеце в русской традиции устойчиво привязана к имени Петра I (см. 5 вариантов в издании: [Петр I 1993, 34–39]). Царь в сказке показан обладателем необычайной физической силы, он меряется ею и одновременно соревнуется в смекалке и находчивости с кузнецом, образ которого, как известно, у многих народов окружен ореолом таинственности, мифологически значим как связанный со стихией огня. Петр гнет подковы, которые выковал ему кузнец, якобы они фальшивы (по вариантам — плохи, неладны, гнилые), а кузнец в отместку гнет (ломает и бросает) серебряные рубли, данные ему царем в уплату. Так вот, в одном вологодском варианте в конце повествования выясняется, что безымянный кузнец не кто иной, как Меншиков [Минц, Савушкина 1955, № 19]:

«Подковали лошадь. Петр подает ему рубль серебряный за подкову. Берет он рубль, на два пальца нажал, рубль только зазвенел. Подает ему другой — и другой тем же манером.

Царь изумился:

— Вот нашла коса на камень.

Смекнул, достает ему пять рублей золотом.

Поломал, поломал парень — не смог сломать. Царь записал его имя и фамилию. А это был Меншиков. И царь как приехал домой, так сразу его к себе и призывал. И стал он у него главный управитель» [Петр I 1993, 36–37].

Известно, что в исторической реальности Петр познакомился со своим будущим наперсником и соратником вовсе не при таких обстоятельствах. Казалось бы, сказочного кузнеца сближает с прототипом лишь демократическое происхождение, причем в самом общем плане: известно, что кузнецом А. Д. Меншиков никогда не был, хотя и достоверных сведений о его семье не сохранилось, и даже версию о том, что в отрочестве он торговал на улице «подовыми пирогами», оспаривают

многие, начиная с А. С. Пушкина (в подготовительных текстах «Истории Петра»: «...это шутка бояр, принятая историками за истину» [Пушкин, т. X, 65]). Однако, думается, традиционный сюжет неслучайно «притянул» известную фамилию: характеристика кузнеца, который в физической силе и смекалке не уступает самому царю, к тому же ведет себя с монархом смело, энергично, даже с вызовом, отвечает народным представлениям о природных способностях и положительных качествах Меншикова, за которые его выделял и ценил Петр. Выше мы писали, что исторический фольклор интересен не правдой факта, а отражением духа эпохи и народных исторических воззрений. Б. Н. Путилов справедливо говорил о своеобразном чувстве историзма сказок с участием «справедливого» царя: за всеми вымышленными событиями «проглядывает реальность эпохи», в частности, «постоянная готовность царя привлекать к делам своим людей толковых, энергичных, невзирая на их родословную» [Путилов 2000, 5]. Но ведь и склонность царского любимца к плутовству и корысти не прошла незамеченной: кузнецу в сказке удалось вместо рубля серебром заполучить пять рублей золотом — неплохая прибыль.

В цикле анекдотов о Петре I и шуте Балакиреве светлейший князь становится мишенью насмешек и забавных розыгрышей находчивого и остроумного шута, который тем самым намекает царю на нравственную безупречность «Данилыча». Петр и держал при дворе шутов, «чтобы они окружающим его вельможам высказывали горькие истины в обществе. На жалобы вельмож на шутов он отвечал: “Что ж мне делать с ними? Они дураки...”» [Петр I 1993, 74].

Необходимо заметить, что Иван Емельянович Балакирев — реальное лицо, был шутом при дворе и Петра I, и затем Анны Иоанновны. Под личиной дурачества клеймил пороки, не раз обнаруживая злоупотребления приближенных государя. Что касается имевшего широкое распространение в массовой культуре XIX в. сборника анекдотов о нем [Балакирев

1837], то спорным остается вопрос об их принадлежности устной традиции. Однако мы солидарны с мнением Б. Н. Путилова: «Петр в этих анекдотах мало чем отличается от того “фольклорного” Петра, которого мы узнаем по рассказам, преданиям и анекдотам, записанным из уст его современников» [Путилов 2000, 147]. Добавим, что, даже если анекдоты из сборника XIX в. не подлинно фольклорные, они, в свою очередь, повлияли на последующую устную традицию, — шут Балакирев (Балакирь) становится персонажем других устных анекдотов и сказок, в том числе контаминированных вариантов (см., например: [Петр I, 75–87, № 58–61, 67, 70, 71]).

Пытаясь подшутить над Меншиковым, Балакирев даже не побоялся открыто сравнить князю, остановившуюся посреди лужи «для известной надобности», с царем: «точь-в-точь Алексеич». Царь вспыхнул от гнева: «Почему?» Шут разъяснил: «Да так... Мало ли в этой луже дряни, а она всё еще подбавляет; мало ли у Данилыча всякого богатства, а ты всё еще пичкаешь» (цит. по: [Петр Великий 2000, 151]). В другом сюжете шут просит у царя дубинку, чтобы положить с собою в гроб, объясняя это тем, что Данилыч мстит ему и даже грозит не оставить костей его в покое: «Так авось тогда уймется!» [Там же, 161].

В «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьев так передавал горечь и негодование Петра I, когда тот узнавал об алчности и лихоимстве людей, которых сам возвышал и приближал к себе: «Тяжелые минуты переживал Петр, когда, возвращаясь из заграничных походов в Россию, вместо отдохновения в кругу людей, которых хотел любить и уважать, должен был испытывать сильное раздражение, получая известия о противозаконных поступках этих самых людей» [Соловьев 1993, 478].

Одним из них был князь М. П. Гагарин, занимавший сначала должность московского коменданта, а затем сибирского генерал-губернатора. Еще в 1714 г. он был уличен государственным обер-фискалом⁵ Алексеем Нестеровым в казнокрадстве

⁵ *Обер-фискал* — должность, учрежденная Петром I для осуществления высшего государственного тайного надзора за должностными лицами с целью выявления казнокрадства, лихоимства и других злоупотреблений.

и злоупотреблениях. В 1717 г. против Гагарина было возбуждено следствие. «По следствию оказалось, что Гагарин утаил хлеб, купленный на Вятке для отпуска за море, велел брать казенные деньги и товары на свои расходы, а приходные и расходные книги кинул; брал взятки за отдачу на откуп винной и пивной продажи» [Соловьев 1993, 476]. Гагарин во всем повинился и написал Петру I покаянное письмо, в котором признавался, что «правил Сибирскую губернию и делал многие дела просто, непорядочно и не приказным поведением, також многие подносы и подарки в почесть и от дел принимал и раздачи иные чинил, что и не надлежало...» [Там же]. В 1721 г. М. П. Гагарин по приказу Петра I был казнен.

О М. П. Гагарине, снискавшем в народе печальную славу взяточника и стяжателя, была сложена историческая песня. Нам известно 15 вариантов этой песни, которая по стилю и композиции напоминает историческую песню о Меншикове. Но, в отличие от последней, в песне о Гагарине не только говорится о «заедании» жалованья, но и нарисован сатирический образ этого казнокрада.

Внесение в песню сатирического элемента усилило ее социальное звучание, придало ей большую политическую заостренность. Сатирический замысел определил и иную художественную структуру песни о Гагарине по сравнению с песней о Меншикове: происходит сокращение ее экспозиционной части, описания становятся более конкретными и исторически достоверными, большее внимание уделяется разработке образа самого царского сановника.

В песне о М. П. Гагарине нет развернутого изображения плывущих на корабле добрых молодцев, нет и подробного описания стружков и одежды казаков. Изменилась и география песни. В одном из вариантов действие происходит в Москве, в другом — переносится в Петербург:

Как по матушке Москве
Да пятьсот стружков плыло...
[Ист. песни 1971, 117].

Как по речке, по реке
По Фонтанке, по Неве
Плыли с мачтой корабли
[Там же].

Меняется и характеристика действующих лиц. Если в песне о Меншикове на стружках плывут «донские казаки, да еще же гребенские, запорожские», то в песне о Гагарине на их месте появляются «матросики», «солдаты» или просто «молодцы», которые «князь Гагарина бранят»:

Заедает князь Гагарин наше жалованье,
Небольшое, трудовое, малоденежное:
Со всякого человека по пятнадцати рублей
[Там же, 116].

Песня рассказывает, что Гагарин не гнушался никакими средствами для увеличения своего богатства:

Солдат с голоду морил;
В сутки по две денежки давал,
И те назад отбирал
[Там же, 117].

Но песня о Гагарине не ограничивается обвинением его в присвоении «жалованья». В своем обличении она идет дальше, показывая, на что пошли награбленные у народа деньги:

Он на эти-то на денежки поставил себе дом,
Он поставил себе дом на Неглинной,
на Тверской,
На Неглинной, на Тверской, за Мучным
большим рядом...
[Там же, 116].

Песня исторически точно указывает местоположение гагаринского дома. У Гагарина на Тверской улице действительно был «великолепный, лучший в Москве, трехэтажный дом в итальянском вкусе — с балконами, с колоннами» [Сытин 1958, 212].

Чтобы показать ненасытность и алчность Гагарина, в одном из вариантов песни ему даже приписывается желание построить себе два дворца — один в Москве, другой в Петербурге:

Как на эти я на деньги, я палатушку сложу,
Я в Москве сложу палату, в Петербурге
я — дворец:
Стены белы, двери медны, углы
белокаменны,
Еще с вырезом окошки, из хрусталя потолок
[Бардин 1940, 121].

неправедно нажитом богатстве — дворцах с хрустальными потолками и конях с серебряными подковами.

Грабительское налогообложение характеризуется лаконичной и яркой, почти песенной формулой: «Налоги наложил большие, от нового налога более и более, и в третий раз еще более» [Петр Великий 2000, 191]. Сибиряки долго терпели, но наконец отправили посольство к царю в Питер с жалобой на губернатора. Далее в предании подробно изображаются вымышленные события, впрочем, весьма наглядно воссоздающие зарождающуюся в петровские времена и до сих пор актуальную бюрократическую канитель, а также угрозы большого города: два посольства бесследно пропали в столице, наконец, отправили человека, знающего город, и то ему удалось добиться результата лишь с помощью заступничества того же шута Балакирева, который хитроумным способом привлек к гонцу внимание Петра. Также долго доставляли по царскому слову Гагарина из «дальней Сибири»: он не сразу подчинился.

Заканчивается предание ярким эпизодом казни через повешение. И снова можно наблюдать, как предание более тонко, чем песня, показывает противоречивость фигуры петровского вельможи и отношения к нему. Гробовая тишина стоит на площади: никто не верит, что казнь человека грешного, но имеющего большие заслуги совершится. Сам Петр непреклонен, хоть и сочувствует своему соратнику: «И множество народа в парате — и никто ничего не говорит, множество войсков на парате — и никто ни слова. Одна мушка летит паратом — тот только гул и слышно, и это дело было серед красного лета (в реальной истории казнь происходила в марте. — С. Д., И. Р.). Вдруг государь вынимает платок из кармана и подтирает у себя глаза...» Царица еще более остро

реагирует: «И увидела царица князя Гагарина, и ушибли ю оммороки» [Там же, 196]. И в завершение — страшная натуралистическая подробность: когда кожа «прокисла» и кости высыпались на землю, царь приказал сшить прочный мешок из воловьей кожи — кости в мешке висели до тех пор, пока мешок не сгнил. (В реальности до такого не доходило, но тело повешенного долго перевозили с места на место в назидание всем.) «И дивился тут народ, что государь так истребил сильного и славного князя Гагарина, пожалел он своих верноподданных всех сибиряков вообще» [Там же].

Таким образом, в песенном и прозаическом фольклоре петровского времени отражены важные военные и социально-политические события истории молодой Российской империи, созданы портреты исторических лиц: самого Петра Великого как «справедливого» царя, его приближенных, а также простых людей — в особом фольклорном ключе. И в исторических песнях, и в преданиях и анекдотах немало вымышленного, имеют место нарушения хронологии и домысливание, достраивание событий истории по слухам. При этом неизменно сохраняется установка на достоверность. Нередко один и тот же фольклорный сюжет привязывается к разным реальным лицам: народ отмечает общее между ними и таким образом выражает свой взгляд на историю и ее деятелей, в частности петровских вельмож. В исторических песнях и устной прозе наблюдаются некоторые обусловленные жанровой спецификой отличия с точки зрения изображения Петра I и его времени, и только во всей совокупности текстов разных жанров образ правителя, людей и событий его эпохи представлены разносторонне, объемно, с присущими им противоречиями.

Источники и материалы

Балакирев 1837 — Полные анекдоты о Балакиреве, бывшем шуте при дворе Петра Великого. М., 1837.

Бардин 1940 — Фольклор Чкаловской области / Сост. А. В. Бардин. Чкалов: Обл. изд-во, 1940.

Барсов 1872 — Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. Вып. 5.

Белинский 1956 — Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

Голиков 1798 — Голиков И. И. Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым. 2-е изд. М., 1798.

Ист. песни 1971 — Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л.: Наука, 1971.

Криничная 1978 — Северные предания: (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л.: Наука, 1978.

ЛН 1968 — Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М.: Наука, 1968.

Миц, Савушкина 1955 — Сказки и песни Вологодской области / Сост. С. И. Миц и Н. И. Савушкина. Вологда: Обл. кн. ред., 1955.

Петр Великий 2000 — Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях / Сост., подгот. текста, вступ. ст., прим. Б. Н. Путилова. СПб.: Академический проект, 2000.

Петр I 1993 — Петр I. Предания, легенды, сказки и анекдоты: Сборник / Сост. И. Райкова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1993.

Пушкин — Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Север 1894 — Пушки из колоколов / Оpubл. А. Н. Сергеев // Север. 1894. № 8. Стб. 421.

Слово о полку Игореве 1965 — Слово о полку Игореве / Вступ. ст., ред. текстов, проз. и поэтический пер., прим. к древнерус. тексту и словарь В. И. Стеллецкого. М.: Просвещение, 1965.

Снегирев 1852 — Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества / Текст И. М. Снегирева. М.: В Тип. Ведомств. Моск. городской полиции, 1852.

Сов. ист. энциклопедия — Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М.: Сов. энцикл., 1966.

Соловьев 1993 — Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. М.: Мысль, 1993.

Сытин 1958 — Сытин П. В. Из истории московских улиц: Очерки. М.: Моск. рабочий, 1958.

Тельпуховский 1946 — Тельпуховский Б. С. Северная война. 1700–1721. М.: Воен. изд-во Министерства Вооруженных сил СССР, 1946.

Чулков 1913 — Сочинения М. Д. Чулкова. Т. 1. Собрание разных песен. СПб.: Тип. императорской Академии наук, 1913.

Исследования

Джанумов 1986 — Джанумов С. А. Преемственность устно-поэтических традиций в русских исторических песнях XVIII века: Учеб. пособие. М.: Изд-во МОПИ, 1986.

Криничная 1991 — Криничная Н. А. Указатель типов, мотивов и основных элементов // Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. С. 278–294.

Махов — Махов С. Колокола — в пушки: мифы Северной войны. URL: <https://warspot.livejournal.com/23582.html> (дата обращения: 15.07.2021).

Павленко 2005 — Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М.: Молодая гвардия, 2005. (Жизнь замечательных людей).

Путилов 1960 — Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Путилов 2000 — Путилов Б. Н. Петр Великий — фольклорный герой // Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и прим. Б. Н. Путилова. СПб.: Академический проект, 2000. С. 3–12.

Райкова 1995 — Райкова И. Н. Русские предания, легенды, сказки, лубок и массовая литература о «справедливом» царе: (Традиционные сюжеты, мотивы, поэтика): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

Соколова 1960 — Соколова В. К. Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

© С. А. Джанумов, И. Н. Райкова, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Джанумов С. А. <https://orcid.org/0000-0003-0847-5484>

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета: Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4; тел.: +7 (499) 181-24-62; e-mail: djanumovsa@mail.ru

Райкова И. Н. <https://orcid.org/0000-0002-9064-3565>

Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета: Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4; тел.: +7 (499) 181-24-62; научный редактор научного альманаха «Традиционная культура»; e-mail: nikolavna@inbox.ru

Peter the Great and His Time in Russian Song and Prose Folklore

Seiran A. Dzhanumov
Irina N. Raikova

(Moscow City Pedagogical University:

4, 2nd Selskokhozyaistvennyi side-str., Moscow, 129226, Russian Federation)

Summary. *This article, dedicated to the 300th anniversary of the Russian Empire and the 350th anniversary of Peter the Great's birth, deals with the Great Northern War of 1700–1721 and its culmination, the Battle of Poltava, as they are reflected in the folklore of Peter's time. Historical songs about the Great Northern War not only feature military events, but also present a lyrically colored, psychologically convincing portrayal of their characters. The songs include one about Russian soldiers getting ready for battle with the Swedes preparing various allegorical "dishes" prepared for their enemies. The article also examines the oral historical prose of the era, including legends, anecdotes and fairy tales. The extraordinary personality of the first emperor of Russia and his unusual way of life as "a worker on the throne" caught the people's imagination. Several legends and anecdotes describe Peter's decision to recast monastery bells as cannons, an idea they attribute to the cannon master, the patriarch, and to the tsar himself.*

Historical songs, anecdotes and household tales about A. D. Menshikov express socio-political conflicts and motifs. The songs reflect discontent with the unseemly deeds of Peter's favorite and associate in a caustic and mocking form. In folklore prose, Menshikov's contradictory nature is conveyed more subtly, as, for example, in a fairy tale about the tsar and a blacksmith, in one variant of which Menshikov himself turns out to be a blacksmith. Other historical songs and legends denounce M. P. Gagarin, the first governor of Siberia, bribe-taker and embezzler, whom Peter the Great had executed for his crimes in 1721.

The image of Peter the Great and his time differs in historical songs and oral prose, due in part to differences in genre. However, taken in their entirety, the texts present a multi-faceted picture of people and events that, along with their inherent contradictions, convey not the factual truth but the spirit of the era.

Key words: *Peter the Great, Great Northern War, A. D. Menshikov, M. P. Gagarin, the fool Balakirev, historical song, legend, anecdote, fairy tale.*

Received: July 17, 2021.

Date of publication: September 25, 2021.

For citation: Dzhanumov S. A., Raikova I. N. Peter the Great and His Time in Russian Song and Prose Folklore. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 11–25. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.001>

References

Dzhanumov S. A. (1986) *Preemstvennost' ustno-poeticheskikh traditsii v russkikh istoricheskikh pesnyakh XVIII veka: Uchebnoe posobie* [The Continuity of Oral and Poetic Traditions in Russian Historical Songs of the Eighteenth Century: Textbook]. Moscow: Izdatel'stvo MOPI. In Russian.

Krinichnaya N. A. (1991) *Ukazatel' tipov, motivov i osnovnykh elementov* [Index of Types, Motifs and Basic Elements]. In: *Predaniya Russkogo Severa* [Legends of the Russian North], by N. A. Krinichnaya. St. Petersburg: Nauka. Pp. 278–294. In Russian.

Makhov S. Kolokola — v pushki: mify Severnoi voiny [Bells into Guns: Myths of the Great Northern War]. URL: <https://warspot.livejournal.com/23582.html> (retrieved: 15.07.2021). In Russian.

Pavlenko N. I. (2005) *Poludержавnyi vlastelin* [The Semi-Sovereign Ruler]. Moscow: Molodaya gvardiya. In Russian.

Putilov B. N. (1960) *Russkii istoriko-pesennyi fol'klor XIII–XVI vekov* [Russian Historical and Song Folklore of the Thirteenth–Sixteenth Centuries]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. In Russian.

Putilov B. N. (2000) *Petr Velikii — fol'klornyi geroi* [Peter the Great — Hero of Folklore]. In: *Petr Velikii v predaniyakh, legendakh, anekdotakh, skazkakh, pesnyakh* [Peter the Great in Legends, Anecdotes, Fairy Tales, Songs]. Comp. by B. N. Putilov. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. Pp. 3–12. In Russian.

Raikova I. N. (1995) *Russkie predaniya, legendy, skazki, lubok i massovaya literatura o "spravedlivom" tsare* (Traditsionnye syuzhety, motivy, poetika) [Russian Tales, Legends, Fairy Tales, Lubok and Mass Literature About the "Just" Tsar

(Traditional Plots, Motives, Poetics)]. PhD dis.
Moscow. In Russian.

Sokolova V. K. (1960) *Russkie istoricheskie
pesni XVI–XVIII vv.* [Russian Historical Songs of

the Sixteenth — Eighteenth Centuries]. Moscow:
Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. In Russian.

© S. A. Dzhanumov, I. N. Raikova, 2021

ABOUT THE AUTHORS

Seiran A. Dzhanumov <https://orcid.org/0000-0003-0847-5484>

E-mail: djanumovsa@mail.ru

Tel.: +7 (499) 181-24-62

4, 2nd Selskokhozyaistvennyi side-str., Moscow, 129226, Russian Federation

DSc in Philology, Full Professor, Honored Worker of the Higher School of Russian Federation,

Department of the Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City University

Irina N. Raikova <https://orcid.org/0000-0002-9064-3565>

E-mail: nikolavna@inbox.ru

Tel.: +7 (499) 181-24-62

4, 2nd Selskokhozyaistvennyi side-str., Moscow, 129226, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Professor, Department of the Russian Literature, Institute of
Humanities, Moscow City University; Scholarly Editor of the almanac "Traditional Culture"

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)